

Глава 1

Сантино

Я — верный солдат.
Быть силовиком чикагского Синдиката — предмет особой гордости. Мне нравилось ломать кости, и работа позволяла это делать, что являлось приятным бонусом. У меня хорошо получалось. И я наслаждался процессом.

Однако мне не так сильно нравилось слушать бессмысленную болтовню девочки-подростка. К сожалению, благодаря моему безжалостному характеру дон попросил меня стать личным телохранителем дочери.

Я и представить не мог, что придется играть роль секьюрити — а-ля няни — для его наследницы.

— Ты не можешь отказаться, — возразил мой отец.

Его глаза расширились от тревоги, когда я сказал, что подумаю над словами дона.

— Мы разные, пап. У меня не хватит терпения болтаться вокруг избалованной девчонки мафиози, слушать ее бесконечное нытье и то, как она треплется с друзьями. Я — солдат, а не нянька.

— Ты не можешь сказать «нет» дону. Для тебя — огромная честь получить такое предложение.

Я помотал головой:

— Я хочу убивать. Ломать кости. Хочу уничтожить наших врагов.

— Тебе следует пересмотреть решение, — умоляюще вымолвил папа. — Если дон попросил тебя стать телохранителем для его дочери, есть лишь один приемлемый ответ, Сантино, и это — «да».

У меня не было абсолютно никакого намерения передумывать и говорить «да», что бы ни заявлял отец. Мы с Артуро — хорошая команда. Годами вкалывали вместе в качестве силовиков — и нам не надоедало. Зачем отказываться от крутой работы ради той, которую я, несомненно, буду презирать?

Неважно, что сказал Данте, я буду стоять на своем. Я — силовик.

— Почему бы тебе не прийти ко мне домой, чтобы сообщить о своем решении? — сказал Данте во время нашего короткого разговора по телефону. — В пять вечера.

Он дал отбой прежде, чем я успел сообщить ответ. Вздохнув, я смирился с чертовски неловкой встречей с доном. Данте легко умел заставить людей делать то, чего хотел, с помощью искусной хитрости.

Нажав на кнопку дверного звонка, я оглянулся на черный «Камаро» шестьдесят девятого года выпуска, надеясь, что быстро вернусь к нему и помчусь по улицам Чикаго. Всем своим существом я ненавидел подобного рода светские приглашения и обычно избегал их.

Дверь открыл не Данте и не горничная. Передо мной, вежливо и утонченно улыбаясь, стояла Валентина Кавалларо. Она была высокой, с длинными каштановыми волосами и зелеными глазами, которые загоняли вас в ловушку, как кошка мышку. То, что она заставила меня чувствовать себя маленьким пушистым зверьком, еще больше вынудило меня настороженно отнестись к работе в их доме.

Я кивнул и вежливо улыбнулся в ответ.

— Ваш муж попросил меня приехать.

— О, я знаю, — закивала она. — Я подумала, что было бы замечательно сразу познакомить тебя с нашей дочерью. Зачем ждать, верно?

Я прочистил горло, собираясь сказать, почему я сюда пришел, но позади Валентины появился Данте, положив руку ей на плечо.

— Сантино, — проронил он, коротко кивнув.

— Я рада, что у Анны будет способный телохранитель, — заметила Валентина, не теряя ни секунды. И одарила меня улыбкой женщины, которая умеет искусно добиваться своего, теперь-то я прекрасно понял, почему.

— Дело в том... — начал я, когда Валентина пригласила меня войти.

Данте и его жена внимательно смотрели на меня.

— Да? — спросила Валентина.

Фразы отца крутились в голове, как надоедливые мухи, от которых невозможно отмахнуться. Находясь в особняке Кавалларо и глядя на выжидающие лица, я понял, что вообще не смогу отказать. По крайней мере, пока.

Наверное, я мог бы поработать телохранителем год или два, прежде чем попросить Данте вернуть меня к выполнению прежних задач: пыткам людей с целью выудить нужную информацию.

— Обычно дети меня терпеть не могут, — сказал я, что на самом деле было неправдой. Дети тянулись ко мне, как мухи к навозу, но я не обладал достаточным терпением, чтобы выносить их присутствие.

— О, не переживай, — рассмеялась Валентина. — Анна может поладить со всеми. Она очень общительная и чуткая девочка.

Ну разумеется. Почему все родители считали, что их дети — божий дар для человечества? Талантливые и хорошо воспитанные альтруисты, когда на деле большинство из них являлись капризными, избалованными созданиями с эгоистичными наклонностями и склонностью к честности, граничащей с жестокостью.

— Я уверен, что так и есть.

Раздались шаги, и на самом верху лестницы мелькнула прядь каштановых волос. Анна Кавалларо резво спускалась по лестнице, конский хвост раздражающе подпрыгивал в такт шагам. И в качестве вишенки на торте она была одета в клетчатый костюм, в котором даже женщина пятидесяти лет почувствовала бы себя старше, чем она есть на самом деле.

Она одарила меня улыбкой. Глаза ее блестели от восторга.

Анна протянула мне руку, пристально глядя на меня:

— Приятно познакомиться.

Я выдавил улыбку, которая, казалось, стянула мышцы лица.

— Взаимно, — процедил я сквозь стиснутые зубы. Я лгал, но, судя по выражению ее глаз, она ничего не поняла.

Данте прожигал меня взглядом. Однако он не выглядел недовольным отсутствием у меня восторга от встречи с его дочерью. Он знал, что я смогу защитить ее, даже не испытывая к Анне симпатию.

Я отпустил маленькую ручку Анны в ту же секунду, как того требовали нормы приличия. Еще один пункт, который я чертовски ненавидел: необходимость вести себя прилично во время светских встреч.

Теперь, когда мне предстоит проводить целые дни с дочерью Данте, безудержные ругательства и вспышки ярости надо оставить в прошлом.

— Будет весело, — подытожила Анна.

Может, она думала, что я стану ее другом или личным приятелем по играм. Тогда девочку ждал неприятный сюрприз. Я должен защищать ее. Этим наши взаимодействия и ограничатся.

— Ты будешь оберегать меня ценой собственной жизни? — спросила она, с любопытством склонив голову набок. Взгляд голубых глаз пытался поставить меня в тупик, она будто невольно проверяла, насколько я искренен.

И впервые за сегодняшний день я не соврал.

— Я буду защищать тебя до последнего вздоха.

Или до тех пор, пока дон не проявит милосердие и не избавит меня от страданий.

Анна

Когда я впервые встретила Сантино, то чуть не умерла от волнения. Раньше я видела его лишь мельком, но даже тогда от одного взгляда на красивое лицо высокого парня все во мне трепетало.

И я была в восторге, узнав, что он станет охранять меня. Казалось, с ним будет весело проводить время, поскольку он вроде бы не являлся строгим приверженцем правил. Я думала, мы хорошо поладим.

Вскоре я поняла, что ошиблась.

Поначалу Сантино еще пытался скрывать недовольство из-за необходимости приглядывать за мной, но очень быстро все стало очевидно. Он не любил детей, да и вообще людей. Ему не нравилось, когда я с ним разговаривала. Или когда чересчур громко смеялась. Или дышала рядом с ним.

Он едва ли терпел мое присутствие.

Я почти уверена, что только чувство долга удерживало Сантино от ярости. Он мог бы запросто задушить Леонаса или меня.

Я была зла. По-настоящему. Меня воспитывали так, чтобы я всегда вела себя максимально вежливо и думала, прежде чем действовать. Папа с мамой — уравновешенны и умели контролировать эмоции на публике. И я стремилась стать такой же, как они.

Сантино сидел в домике для телохранителей вместе со своим отцом и маминым телохранителем — Тафтом. Я сглотнула, когда вошла в комнату, но попыталась скрыть волнение.

— Могу я поговорить с Сантино? — спросила я твердым голосом. И почувствовала гордость за то, как уверенно и по-взрослому выразилась.

Люди всегда твердили, что я старая душа, заточенная в тело двенадцатилетней девочки. Однако это не мешало им обращаться со мной как с ребенком.

Губы Тафта дернулись в ухмылке, и он встал.

— Конечно.

Отец Сантино бросил на сына взгляд, который я не смогла разгадать, и тоже поднялся на ноги. Коротко улыбнувшись мне, оба мужчины вышли. Сантино откинулся на спинку стула, приподняв бровь, словно тем самым хотел унижить меня. По выражению его лица я научилась определять то, что он не мог сказать вслух.

Я не могла больше выносить подобного отношения.

— Если ты сильно меня ненавидишь, почему согласился стать телохранителем? — Самообладание и уверенность исчезли. Я лепетала, как обиженный подросток, и ничего не могла поделать.

Сантино испустил многозначительный вздох, и я практически слышала ход его мыслей: «Началось...»

— С чего ты решила, что я тебя ненавижу?

— Но тебя раздражает все, что я делаю или говорю.

Он не возражал и не отрицал, что жутко меня задело. Я и понятия не имела, почему мне важно его одобрение. Он же обычный телохранитель.

Сантино наклонился вперед, непринужденно облокотившись локтями о бедра.

— Ты ничего не знаешь о ненависти, раз думаешь, что я ненавижу тебя. Потому что ты вовсе не раздражаешь меня.

— Но я тебе не нравлюсь.

— Ты и не обязана. Я должен всего-навсего защищать тебя.

Я сжала губы, чувствуя предательское жжение в глазах.

— Ты не должен защищать тех, кто тебе не нравится. Тебе следовало сказать моему отцу «нет», раз ты терпеть не можешь работу.

— Ты не можешь отказаться, когда дон просит тебя охранять его отпрыска.

Люди редко говорят мне правду, я слышу от них приятные и льстивые комплименты. Сантино никогда не задумывался о моих чувствах, что меня привлекало и одновременно вызывало отвращение, ведь я хотела, чтобы он был добр ко мне. Чтобы я тоже была ему по душе.

Я зашагала прочь, не прибавив ни слова. Мне не хотелось разрыдаться перед Сантино. Вероятно, слезы разлили бы его и поставили меня в неловкое положение. Нет уж, с меня хватит.

Сзади послышалась тяжелая поступь.

— Анна, подожди.

Но я не замедлила шаг, продолжая идти по туннелю, соединяющему наш дом с постом охраны. Сантино догнал меня в подвальном помещении, схватив за плечо.

Остановившись, я уставилась на рослого парня.

— Кстати, если ты беспокоишься, что я буду плохо выполнять работу, потому что не целую землю, по которой ты ходишь, то не стоит. Я серьезно отношусь к задаче. Я буду защищать тебя ценой собственной жизни, хоть ты и бесишь меня.

— Звучит утешительно, — ответила я в язвительной манере, с которой разговаривала исключительно с Леонасом. Если Сантино не утруждается вести себя вежливо, то и я не буду.

Сперва его незаинтересованность во мне и нежелание вести беседу беспокоили меня, но в конце концов я поняла, как спровоцировать Сантино на какую-нибудь реакцию. Любую реакцию.

Моим любимым занятием стало раздражать Сантино до тех пор, пока он не признал факт моего существования.